

Интеллигенция и мир. 2024. № 4. С. 26—52.

Intelligentsia and the World. 2024. No. 4. P. 26—52.

Научная статья

УДК [94(476):378]”1921/1941”

DOI: 10.46725/IW.2024.4.2

СТАНОВЛЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПЕРВОГО УНИВЕРСИТЕТА БЕЛАРУСИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ 1921—1941 гг.

Олег Антонович Яновский

Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь,
helgoleg@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4238-0828>

Аннотация. На основе анализа с помощью историко-антропологического и просопографического подходов к многочисленным примерам разносторонних международных контактов ученых Белорусского государственного университета (БГУ) в 1921—1941 гг. выделены и систематизированы их главные направления и формы: творческие командировки профессорско-преподавательского состава в научно-образовательные центры СССР и за границу для повышения квалификации; участие ученых БГУ в научных мероприятиях в университетах и исследовательских институтах Запада; приглашение европейских коллег в Минск для участия в различных научных мероприятиях, в том числе во всебелорусских конференциях; востребованность публикаций белорусских авторов за рубежом и их публикационная активность в европейских журналах; приоритеты по отношению к преподаванию иностранных языков; пополнение библиотеки БГУ, государственной, иностранной литературой как путем прямого книгообмена, так и благодаря заинтересованному содействию со стороны многих представителей профессуры и преподавателей; зарубежная материально-финансовая помощь; фиксирование в учебных планах и программах дисциплин как по естественнонаучным, так и гуманитарным направлениям современных мировых тенденций подготовки специалистов.

© Яновский О. А., 2024

Отмечается, что конкретные научные связи основывались на личном авторитете того или иного белорусского ученого, а также на достаточно быстром росте авторитета всего коллектива БГУ. И хотя участие видных представителей коллектива БГУ в зарубежных научных форумах осуществлялось в том числе и в составе союзных делегаций, однако прежде всего подобные зарубежные контакты были обусловлены авторитетностью ученых БГУ как среди зарубежных, так и своих, советских, коллег. Сделан вывод, что становление и трансформация международного сотрудничества первого университета Беларуси проходили в сопряжении с постоянно изменявшейся внутренней и внешней общественно-политической ситуацией и в условиях доминирования властных установок.

Ключевые слова: Белорусский государственный университет, международное сотрудничество, зарубежные научные командировки, зарубежная материально-финансовая помощь, научный авторитет

Для цитирования: Яновский О. А. Становление и трансформация международного сотрудничества первого университета Беларуси в общественно-политических условиях 1921—1941 гг. // Интеллигенция и мир. 2024. № 4. С. 26—52.

Original article

FORMATION AND TRANSFORMATION OF INTERNATIONAL COOPERATION OF THE FIRST UNIVERSITY OF BELARUS IN THE SOCIAL AND POLITICAL CONDITIONS OF 1921—1941

Oleg A. Yanovsky

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus,
helgoleg@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4238-0828>

Abstract. Based on an analysis conducted using historical, anthropological and prosopographical approaches to numerous examples of diverse international contacts of BSU scientists in 1921—1941 their main directions and forms are highlighted and systematized: creative business trips of teaching staff to scientific and educational centers of the USSR and abroad for advanced training; participation of BSU scientists in scientific events at universities

and research institutes of the West; inviting European colleagues to Minsk to participate in various scientific events, including all-Belarusian conferences; the demand for publications of Belarusian authors abroad and their publication activity in European journals; priorities in relation to teaching foreign languages; replenishment of the BSU library, both with state and foreign literature through direct book exchange, and thanks to the interested assistance of many representatives of the professoriate and teachers; foreign material and financial assistance; entering of modern world trends in the training of specialists in the curricula and programs of subjects in both natural sciences and humanities.

It is noted that specific scientific connections were based on the personal authority of one or another Belarusian scientist, as well as on the fairly rapid growth of the authority of the entire BSU team. Although the participation of prominent representatives of the BSU team in foreign scientific forums was carried out also as part of union delegations, such foreign contacts were primarily due to the authority of BSU scientists both among foreign and their own, Soviet, colleagues. It is concluded that the formation and transformation of international cooperation of the first university in Belarus took place in conjunction with a constantly changing internal and external socio-political situation and under conditions of dominance of power structures.

Keywords: Belarusian State University, international cooperation, foreign scientific trips, foreign material and financial assistance, scientific authority

For citation: Yanovsky, O. A. (2024), 'Formation and transformation of international cooperation of the first university of Belarus in the social and political conditions of 1921—1941', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4: 26—52 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Включенность БГУ в международное интеллектуальное сообщество на начало XXI в. неверно было бы расценивать лишь как результат современных усилий корпорации ученых и педагогов, руководства университета и страны. Уже первые «идеологи» Белорусского университета — Евфимий Федорович Карский, Митрофан Викторович Довнар-Запольский, Иван Романович Брайцев и другие — в своих проектах среди прочих важнейших атрибутов создаваемого учебно-научного заведения называли обязательный выход на международные контакты. С 1920 г. начинается деятельность на дипломатическом

поприще будущего первого ректора и соиздателя практических основ БГУ Владимира Ивановича Пичеты. В связи с советско-польской войной при Народном комиссариате иностранных дел РСФСР была организована комиссия специалистов для разработки вопросов об этнографическом составе отдельных территорий Литвы и Беларуси. В. И. Пичета вошел в ее состав как научный работник и секретарь. Результаты работы комиссии имели важное значение для установления новых литовско-белорусской и литовско-польской границ. Став ректором БГУ, Владимир Иванович проделал титанический труд, чтобы университет состоялся во всех характеристиках, присущих классическому университету.

В первую очередь налаживались связи с ведущими советскими университетами, которые являлись очевидной основой для решения кадровых проблем, оснащения первых факультетов минимумом учебно-научного оборудования и литературы. Здесь первостепенное значение имели связи с Московским и Ленинградским университетами, как и с Казанским, Киевским, Саратовским и другими. Но все же было понятным, что становление нового университета станет возможным только при условии, когда его профессора и доценты (и не только) смогут пополнять свои знания за счет новейших научных, методических, просто информационных потоков, столь бурно развивавшихся в Новейшее время на Западе — в европейских странах, в США и др. За 1920-е гг. ученые БГУ сотни раз посетили ведущие страны Европы, были и в США, работали в научных библиотеках, лабораториях, архивах, принимали участие в работе не только всесоюзных, но и крупных международных научных конференций, съездов, конгрессов.

Историография проблемы. Несмотря на очевидную актуальность проблемы, она до настоящего времени не получила всестороннего освещения в научной литературе. Лишь в последние годы сделаны некие попытки рассмотрения ее отдельных аспектов, главным образом в русле формирования научных школ русистоведения и украинистоведения [Яновский, Меньковский, 2022: 51—63]. В 2023 г. в издательстве БГУ вышла книга, посвященная 100-летию университета, — «Научные школы БГУ в воспоминаниях и размышлениях профессоров» [Научные школы БГУ..., 2023]. В ней наряду с другими вопросами рассмотрен (достаточно кратко) аспект международного признания белорусских

научных школ и отдельных ученых в области математики, физики, радиофизики, химии, биологии, физиологии, социально-экономической географии, геотектоники, социологии, юриспруденции, филологии, истории. Правда, в большинстве очерков хронологические рамки представленного материала касаются рассмотрения послевоенного периода. Исключение составляет лишь представление международного аспекта в исследуемый нами период научных школ по физиологии, социально-экономической географии, почвоведению, юриспруденции, социологии, россиеведению, украиноведению и всеобщей истории.

Научный интерес для данной проблемы представляет вопрос организации научных командировок за рубеж. В настоящий момент опубликована лишь небольшая статья автора [Яноўскі, 2004], хотя предварительный обзор проблемы убеждает, что тема может быть исследована в объеме специальной монографии. И желательно ее писать в сотрудничестве с европейскими коллегами, так как значимый материал находится в тех институтах Европы, куда были устремлены белорусские ученые.

Постановка вопроса. В статье обобщены многочисленные примеры разносторонних международных контактов ученых Белорусского государственного университета в 1921—1941 гг., предпринята попытка их систематизации, выделены главные направления и формы этих отношений. Определены причины смены многообразных и активных международных отношений БГУ в 1920-е гг. и их практически абсолютного свертывания к началу следующего десятилетия.

Методология и методы исследования

В данном исследовании автор руководствовался принципами историзма, научной объективности, системности. Используются историко-антропологический и просопографический подходы, с помощью которых на примерах международных контактов белорусских ученых, проводивших исследования и преподававших в БГУ в 1920—1930-е гг., прослеживаются происходившие изменения в освоении тех направлений научных и образовательных составляющих, от которых зависели и их настоящий уровень, и перспективы ближайшего будущего.

Основная часть

С первых месяцев своей истории Белорусский государственный университет целенаправленно и осмысленно погрузился в научную жизнь Европы. Хотя чисто педагогические вопросы были предметом не столько заимствования, сколько сравнения движения молодой советской высшей школы со схожими процессами в зарубежных университетах.

Многочисленные примеры разносторонних контактов сотрудников БГУ требуют определенной систематизации и выделения основных из них. Во-первых, следует отметить просто некий феномен многочисленных научных командировок профессорско-преподавательского состава для повышения квалификации. Опираясь термином «профессорско-преподавательский состав», следует обратить внимание на то, что его дефиниция в 1920-е гг. имела иной смысл по сравнению с последующим периодом развития советской высшей школы и современным положением дел. На первых порах за основу были взяты образцы штатной дифференциации, свойственные высшей школе дореволюционной России. Так, в Императорском Санкт-Петербургском университете научно-педагогические кадры состояли из профессоров и «младших преподавателей» — доцентов, адъюнктов, приват-доцентов, лекторов, лаборантов, прозекторов и др. Можно однозначно говорить о том, что высшая школа «держалась» на профессуре, то есть тех, кто профессионально занимался наукой и ее органичным сопряжением с преподаванием [Иванов, 2013: 44]. Такое штатное деление было свойственно и рождавшемуся БГУ. И все категории «научных работников» пользовались правом быть командированными за рубеж.

В первые 7—9 лет деятельности БГУ подавляющая часть его работников смогла использовать возможности повысить свою квалификацию в Европе, вернуться в Минск и реализовать полученные знания и навыки на благо белорусской науки и высшего образования. Среди множества примеров, конечно, можно найти несколько случаев обратного свойства. Наиболее одиозно прозвучало на всех уровнях университета, во властных структурах невозвращение из зарубежной стажировки профессора-биолога В. В. Лепёшкина. Коллегия Народного комиссариата просвещения

(НКП) БССР посчитала «желательной» научную командировку за границу не только его, но и ассистента (и одновременно супруги) Е. А. Лепёшкиной с выдачей из средств НКП 200 млн рублей¹. Командирование осуществлялось при прямом содействии ректора, так как В. И. Пичета полностью доверял своему коллеге. Отъезд состоялся в сентябре 1922 г. с разрешением работать в зарубежных лабораториях до февраля 1923 г. Так что весь 1922/23 учебный год курс ботаники в университете не читался студентам медфака и педфака. В итоге эта командировка стала «притчей во языцех», так как Владимир Васильевич и его жена приняли решение остаться в Чехословакии.

И все же «невозвращенцами» были единицы. В целом многочисленные командировки в различные страны Европы были весьма плодотворными. В 1920-е гг. поездки для повышения научно-педагогического уровня были просто впечатляющими как по числу, так и по конкретным результатам для университета и всей БССР. В данном случае ограничимся приведением лишь некоторых примеров, извлеченных из архивных материалов и публикаций белорусской прессы. Последняя на протяжении чуть ли не десятилетия с гордостью информировала читателя о том, что сотрудники БГУ востребованы в Европе, имеют там очевидный научный авторитет среди коллег самых известных научных центров. И в этом не было ничего удивительного. Европейский уровень профессиональной квалификации первых профессоров (и не только БГУ) можно легко определить, обратившись к архивным документам, которые содержат детальные биографические данные на сотни имен. «Дела» 3-й описи 205-го фонда Национального архива Республики Беларусь содержат неперенные отсылки к фактам, что в дореволюционное время учеба и работа в ведущих российских университетах для каждого соискателя звания «научного работника», как правило, должны были сопровождаться европейской «шлифовкой» знаний. Никто не допускался к научной деятельности и преподаванию без такого уровня квалификации. Таковыми были философ В. Н. Ивановский, в 1900—1903 гг. стажировавшийся в Сорбонне; биолог

¹ Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 6. Оп. 1. Д. 124. Л. 149 (далее: НАРБ).

А. С. Щепотьев, в начале XX в. работавший на биостанциях Норвегии, Индии, Цейлона, Египта, Италии, в Пастеровском институте в Париже и Гейдельбергском университете; культуролог И. Д. Сосис, окончивший в 1903 г. университет Берна; химик Л. З. Тир, окончивший высшие учебные заведения в Германии и Швейцарии и работавший в Физиологическом институте Берлина. Список этот достаточно долог². Рассказами о командировках за рубеж наполнены полосы центральных газет «Звезда», «Савецкая Беларусь», «Рабочий», «Чырвоная Змена» и др. Они не только подавали информацию, но и делали обобщения, подчеркивая несомненную органичную сопричастность белорусского высшего образования и науки с общемировыми тенденциями. Так, в мае 1926 г. сообщалось, что БГУ за последнее время укрепил связи с зарубежными научными учреждениями — Франции, Польши, Германии, Чехословакии, Японии и других стран, что в иностранных журналах печатаются статьи профессоров С. М. Рубашева, М. Б. Кроля, И. И. Замотина и других университетских профессоров³.

Среди десятков примеров особо можно выделить поездку летом 1925 г. профессора-физика Е. Е. Сиротина в Англию в уже тогда знаменитую на весь мир Кэвендишскую физическую лабораторию, которой руководил Э. Резерфорд. Там он в течение трех месяцев вникал в суть специальных методов исследования радиоактивных материалов [Назаренко, 2019: 99—116]. Тогда же декан медфака профессор М. Б. Кроль работал в клиниках Германии. А профессор Ф. О. Гаусман в Вене участвовал в конгрессе врачей. Его доклад вызвал огромный интерес ученого сообщества, о чем сообщали австрийские газеты, реакция которых немногим позднее отразилась в белорусской прессе⁴. Осенью 1927 г. в БГУ были уточнены зоны ответственности деканатов всех факультетов. Было установлено, что изначально на факультетах определяется правомерность «командировки как внутри СССР, так и за границу»⁵. На этот год медицинский факультет выдвинул 6 своих профессоров в качестве кандидатов для длительных зарубежных

² НАРБ. Ф. 101. Оп. 1. Д. 3603. Л. 249—259.

³ Звезда. 1926. 20 мая; Савецкая Беларусь. 1926. 20 мая.

⁴ Звезда. 1925. 25 окт.

⁵ НАРБ. Ф. 101. Оп. 1. Д. 2755. Л. 1.

командировок в Германию, Австрию, Францию. При этом, как аргумент, было указано, что профессора М. Б. Кроль, А. К. Ленц, П. А. Мавродиади, С. М. Рубашев, Б. Я. Эльберт, ассистенты К. Л. Левенберг, Е. Л. Маршак и другие недавно напечатали свои работы в зарубежных изданиях на немецком и французском языках. Также медфак отдельно представил пятилетний план командирований за рубеж 28 своих сотрудников⁶. В общем списке поданных заявок от вузов БССР на 1927/28 учебный год БГУ запросило у НКП командировки для 33 своих сотрудников, в том числе ректора. Годом ранее от университета были командированы 10 профессоров, 1 доцент и 4 ассистента, а на 1928 г. запланировано отправить за границу 15 профессоров, 9 доцентов и 7 ассистентов⁷. Тогда, в эти переломные годы, все еще крепла атмосфера некой эйфории самостоятельного определения перспектив в науке и образовании, когда задуманное интеллектуалами, хотя и с чиновничьим сопротивлением, чаще всего реализовывалось.

Здесь стоит обратить внимание на то, что «плановость» в этом деле выходила на первое место — без представления в НКП БССР своего плана к концу текущего года можно было вообще лишиться права на командирование. Знаменательно, что у БГУ было самое серьезное отношение к соблюдению всех норм и предписаний. Когда в ноябре 1927 г. из наркомата поступило замечание о непредставлении плановых цифр по зарубежным командировкам, Правление университета обратило внимание на то, что все кандидатуры прежде должны быть внимательно обсуждены в предметных комиссиях, в деканатах, а затем только представлены на рассмотрение в Правление. Эта процедура потребовала времени, поэтому только к 1 декабря запрашиваемый план будет сверстан и предоставлен в НКП⁸.

В начале 1928 г. был однозначно определен важнейший принцип при рассмотрении заявок на зарубежные командировки — важность для государства. К нему добавились «целесообразность» и «продвижение выдвиженцев из молодежи». Коллегия НКП БССР

⁶ Там же. Л. 29, 42—49.

⁷ Там же. Ф. 701. Оп. 1. Д. 56. Л. 69.

⁸ Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 267. Л. 22, 378.

2 февраля 1928 г. утвердила «Правила командирования Главнаукой НКП БССР научных работников для усовершенствования научной квалификации». Теперь в Главнауку Правление должно было представлять не только документы кандидата на командировку по установленной форме, но и «точные характеристики со стороны его научной и общественно-политической значимости»⁹.

Отметим, что на 1928-й г. уже далеко не все получали разрешение на командировки, как и некоторые суммы на их обеспечение. По-прежнему еще оставались возможности для поездок за рубеж «старой профессуры», хотя она все больше и больше раздражала власть своим замедленным пониманием бурно происходивших изменений по всем направлениям советской действительности. «Политическая физиономия» того или иного ученого и раньше прималась в расчет при определении, кому ехать, а кому не ехать за границу. Так, в 1928 г. В. И. Пичета смог уехать в Варшаву и Прагу для работы в архивах только за свой счет. Как и профессор-юрист М. О. Гредингер — для изучения «хозяйственного права Запада», а доцент-философ Б. Э. Быховский — для исследований по социальной психологии. Перечень примеров и на этот по сути переломный год в развитии данной важной формы международного сотрудничества БГУ с иностранными научными центрами значителен, что можно расценивать с точки зрения все еще не «закрывшихся дверей» в общении с буржуазным миром.

Пока заканчивались 1920-е гг. заинтересованный белорусский читатель из газетных публикаций мог по-прежнему узнать не только о фактах многочисленных зарубежных командирований ученых БГУ, но и конкретику их результативности. Так, сообщалось, что ранней весной 1929 г. из двухмесячной научной командировки в Берлин, Прагу и Вену вернулся доцент Иосиф Михайлович Старобинский. За рубежом он изучал работу одонтологических клиник, выступал с докладом «Одонтология и одонтологическое просвещение в СССР»¹⁰ (одонтология — наука, изучающая строение, вариации и эволюцию зубочелюстной системы. — *О. Я.*). Несомненная научная квалификация университетского медика, его

⁹ Там же. Л. 135.

¹⁰ Звязда. 1929. 8 сакавіка.

известность в кругах зарубежных коллег определили его избрание членом международной одонтологической академии в Вашингтоне¹¹. Как правило, конкретные научные связи основывались на личном авторитете того или иного белорусского ученого, а также на достаточно быстром росте авторитета всего коллектива БГУ. Но и в данном случае реализация этих связей в большинстве случаев происходила через командировки.

А в это время уже набрала мощь кампания по избавлению от «старой профессуры», о чем с упоением вещали республиканские газеты. Среди прочих публикаций можно назвать статью с характерным названием «В наступление на идеологическом фронте» за авторством Р. Эпштейна и Н. Коноплина¹². Вскоре смысл деятельности вузов и в том числе БГУ был определен в контексте лозунга, брошенного новым ректором И. П. Кореневским в одной из своих газетных публикаций — «За форсированную подготовку пролетарских кадров!»¹³. Так что заниматься «международным вектором» было уже и опасно, и незачем. Тем более что этот вектор сам радикально менялся, так как Советский Союз определял свои приоритеты в новой расстановке сил на международной арене, сосредотачивал усилия на построении социализма «в одной отдельно взятой стране». Из прежней устремленности БГУ на контакты с зарубежными коллегами, к постижению научных и педагогических новаций очень быстро почти ничего не осталось. Лишь робко в учебных планах разрушаемого гуманитарного образования (вместо полноценного педфака короткое время в университете внедрялся так называемый «заочный педфак») в начале 1930-х гг. смотрелись дисциплины «история Запада», «история Западной Европы», которые читалась в пределах 1848—1871 революционных для Европы лет¹⁴. Таким образом, феномен многочисленных научных командировок проявился практически на протяжении всех 1920-х гг., а затем вмиг сошел на нет на рубеже 1930-х гг. И в последующее десятилетие вообще превратился в настоящий жупел — веский аргумент

¹¹ Там же. 2 лістапада.

¹² Там же. 28 верасня.

¹³ Рабочий. 1930. 12 дек.

¹⁴ НАРБ. Ф. 101. Оп. 1. Д. 3494. Л. 107 об., 108.

в обвинениях от преклонения перед собирательным «буржуазным Западом» до работы на разведки «враждебных стран».

Одним из важных аспектов международных связей университета следует признать достаточно значимую материально-техническую и финансовую помощь, которая оказывалась БГУ в начальный период его деятельности зарубежными фондами — «Джойнт» — «Американский еврейский объединенный распределительный комитет» (англ. — *American Jewish Joint Distribution Committee*, сокр. JDC) и АРА — Американская администрация помощи (англ. — *American Relief Administration*, сокр. АРА), а также частными лицами. Следует заметить, что эта помощь официальными властями воспринималась неоднозначно¹⁵. Но уж слишком положение было сложным.

На конец 1922 г. ректор БГУ В. И. Пичета констатировал, что «существование университета поддерживается случайными ассигнованиями». Это подтверждал и декан медфака М. П. Соколовский, указывавший на неоценимую помощь не только Президиума ЦИК ССРБ и Наркомздрава республики, но и АРА, которая помогла в оснащении химической и фармакологической лабораторий оборудованием¹⁶. В докладной по медфаку (ее подписал профессор-зоолог А. В. Федюшин) среди прочих обстоятельств, осуществленных за год (на лето 1922 г.), указывалось на помощь АРА в оборудовании нескольких лабораторий медфака¹⁷. Чуть позже, в декабре 1923 г., Правление БГУ и лично новый декан медфака М. Б. Кроль выразили благодарность директору распределительного комитета «Джойнт» доктору А. Брамсону за помощь в 5 тыс. долларов для оборудования нервной клиники. Кроме того, М. Б. Кроль благодарил персонально ее московских «директоров» — Б. Д. Богена (с 1920 г. — руководитель европейского отделения «Джойнт». — *О. Я.*) и И. Б. Розена (в 1921—1924 гг. представитель «Джойнт» в АРА. — *О. Я.*)¹⁸.

¹⁵ Ботвинник М. Первые шаги Джойнта в Беларуси. URL: <http://jewishfreedom.org/page625.html> (дата обращения: 04.03.2022).

¹⁶ НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 19. Л. 12.

¹⁷ Там же. Д. 25. Л. 8.

¹⁸ Савецкая Беларусь. 1923. 1 лістапада; НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 121. Л. 90; Д. 80. Л. 75.

Институту нормальной анатомии БГУ, который возглавлял профессор С. И. Лебёдкин, АРА предоставила различные реактивы, резиновые халаты, скальпели, шприцы и другое так необходимое оборудование. Столь же благодарны были АРА кафедра фармакологии и кафедра фармации, лаборатория неорганической химии (ее возглавлял профессор Б. М. Беркенгейм), кафедры аналитической (профессор А. С. Усов) и биологической химии (профессор А. П. Бестужев), которым эта организация пожертвовала «ценный дар в виде реактивов, лекарственных веществ, центрифуги и др.», 40 кг семидесяти химических реактивов, эмалированную посуду, химические весы, полотенца, мыло и т. д.¹⁹ В декабре 1925 г. в БГУ поступило 10 микроскопов, полученных из-за границы. Сами университетские профессора нашли компромиссное решение по их распределению: 2 — для рабочего факультета, 7 — для педагогического и только 1 (как ни странно) для медицинского²⁰.

Вся процедура взаимоотношений в контексте получения той или иной помощи от американских благотворительных организаций достаточно быстро стала определяться нормативными правилами. Так, 5 апреля 1924 г. в связи с установленным Наркомфином БССР требованием о собственноручной расписке получателя президиум медфака сообщал в БелКУБУ (Белорусская комиссия по улучшению быта ученых) (О БелКУБУ см.: [Шевчук, 2017]) подтверждение о получении от «Джойнт» в «бесплатное пользование» пишущей машинки «Ремингтон». Немногим позднее, в марте 1925 г., университетский Институт социальной гигиены от этой же организации получил полную коллекцию таблиц-копий ведущего специалиста по социальной и коммунальной гигиене, демографии и геронтологии, ленинградского профессора З. Г. Френкеля, детская клиника — микроскоп, глазная — комплект оборудования²¹. Информирование и контакты БГУ с БелКУБУ объяснялись тем, что благотворительные фонды обязаны были оказывать помощь через эту советскую организацию, а не напрямую, как это было изначально. Даже продуктовые комплекты для профессуры шли таким путем.

¹⁹ НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 213. Л. 261, 263.

²⁰ Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 169. Л. 103.

²¹ Там же. Д. 178. Л. 21, 43; Д. 126. Л. 70.

Более прозаично, но абсолютно важно было то, что «Джойнт» и АРА оказывали прямую помощь в обеспечении студентов и преподавателей питанием. Нельзя забывать, что в начале 1920-е гг. разразился чудовищный голод в Поволжье, куда были устремлены основные потоки помощи названных благотворительных организаций. Однако и в советской Беларуси проблемы с продуктами были острыми, хотя и не столь катастрофичными. Вопросами распределения продуктов, направляемых в адрес БГУ, занималось его Правление. Например, 10 мая 1922 г. на заседании слушался вопрос о предоставлении «Американской администрацией помощи России» 50 продуктовых посылок для профессоров и преподавателей. Вопрос докладывал «правая рука» ректора профессор-социолог С. З. Каценбоген²². Та же АРА, как сообщала центральная пресса республики, в начале 1923 г. предоставила продукты для студенческой столовой. Затем на средства организации осенью этого же года была открыта новая студенческая столовая — вторая в БГУ.

Так в условиях поствоенных и революционных потрясений, повлекших колоссальные траты людских и материальных ресурсов, в условиях отстраивания новых общественных отношений и первой белорусской государственности Белорусский государственный университет набирал необходимые для полноценной деятельности материальные и интеллектуальные кондиции. В этом зарубежная помощь была и своевременной, и необходимой, и внесшей очевидную лепту в создание первого университета Беларуси.

О несомненной включенности университетских ученых в контекст научных проблем, которыми занимались их зарубежные коллеги, доказывают многочисленные публикации, доклады на заседаниях университетских Научного общества (НО), Общества истории и древности и Краеведческого общества, публичные лекции и специальные научно-общественные мероприятия, которыми в 1920-е гг. буквально жил не только БГУ, но весь Минск и вся республика. Обществоведы и историки, естественники и математики чутко откликались на различные события, происходившие в мире науки, устраивали обсуждения творческих достижений и наследия зарубежных ученых, собирали залы, где выступали с докладами

²² Там же. Д. 10. Л. 9.

о последних новостях из мира науки и т. д. Сложно в данном тексте назвать десятки подобного рода примеров: от докладов на заседаниях НО о роли нидерландского физика-теоретика Х(Г)ендрика Лоренца в теории относительности или немецкого математика и педагога Феликса Христиана Клейна в неевклидовой геометрии до метапсихологии австрийского психолога и психиатра Зигмунда Фрейда или «О местонахождении и происхождении германцев» (*De origine et situ Germanorum*) древнеримского историка Публия Корнелия Тацита; от аграрных реформ на Западе в XIX в. до подробного рассмотрения научного наследия трагически умершего в 1926 г. австрийского зоолога Пауля Каммерера; от освещения путей решения рабочего вопроса и проблемы охраны труда в капиталистической Европе до рассмотрения отображения социальных условий в творчестве французского живописца Гюстава Курбе и т. д. Правление БГУ на своих заседаниях принимало соответствующие решения о проведении подобного рода мероприятий, как, к примеру, 13 октября 1926 г. по предложению В. И. Пичеты было решено совместно со студенчеством собрать торжественное заседание, посвященное памяти профессора П. Каммерера, известие о самоубийстве которого потрясло белорусских ученых²³. В пространных докладах и кратких выступлениях, в дискуссиях и научных статьях, иных формах изложения сути вопроса, что требовало глубоких профессиональных знаний, постоянного отслеживания текущих научных событий в Европе, отмечены практически все профессора и многие преподаватели БГУ 1920-х гг. Так, если С. З. Каценбоген в 1923 г. в НО сделал доклад об интерпретации большевизма в западноевропейской литературе, то его коллеги-обществоведы детально рассмотрели мировоззрение немецкого историкософа и публициста Освальда Шпенглера. Если математик К. М. Годыцкий-Цвирко представил коллегам новинки германской физико-математической литературы, то университетские медики посвятили заседание научному наследию Луи Пастера²⁴. В данном случае нет необходимости давать многочисленные ссылки на те или иные источники информации. О ритме научной жизни университета регулярно информировали почти все республиканские газеты,

²³ Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 222. Л. 7.

²⁴ Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 213. Л. 266 об., 267.

подробные отчеты и текущие сообщения публиковались в каждом из номеров университетского научного сборника «Труды БГУ». Можно лишь подчеркнуть, ссылаясь на отчет БГУ в Мингорисполком от 14 ноября 1923 г.: «В своем быстром росте Белорусский государственный университет выделился из ряда провинциальных вузов, приближаясь к типу столичных»²⁵.

О развитии международных связей свидетельствует также публикационная активность университетских интеллектуалов, когда их работы, напечатанные в белорусских и союзных изданиях, были востребованы за рубежом, а немало научных текстов писались специально для издания в европейских журналах. Постановлением ЦИК и СНК БССР от 6 декабря 1924 г. со ссылкой на постановление президиума ЦИК СССР от 3 октября этого года о порядке обмена выходящими в СССР изданиями с иностранными государствами, признавшими СССР, обмен ведомственными изданиями возлагался на Белорусскую книжную палату при Государственной и университетской библиотеке. Но палата должна была согласовывать обмены с Бюро книгообмена при Комиссии заграничной помощи при президиуме ЦИК СССР²⁶. Так что не всё в этой части зарубежных контактов было просто и доступно, оперативно и эффективно. Тем более что белорусские издания в скором времени стали оцениваться со всех сторон на предмет их не столько научной значимости, сколько соответствия далеко еще не устоявшимся марксистским постулатам и позиционированию белорусов среди советских народов-соседей. Здесь уместно привести пример злключения уникального для Беларуси первого учебника Николая Азбукина «Географія Эўропы» («География Европы»). Он был издан в 1924 г., но уже 13 февраля 1926 г. НКП БССР запретил его использование в учебных заведениях республики, хотя еще в 1921 г. был заказан автору наркоматом²⁷.

Белорусские центральные газеты регулярно помещали информацию и пространные очерки о значимости и даже прорывах белорусской науки на «международном фронте», то есть в контактах с зарубежными партнерами. Так, в который раз

²⁵ Там же. Л. 303.

²⁶ Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 28. Т. 2. Л. 250.

²⁷ Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 212. Л. 14.

в 1927 г. отмечалось, что в последнее время БГУ укрепил свои связи с зарубежными научными учреждениями, особенно польскими. Университет выслал свои издания Краковской академии наук (Akademia Umiejętnosci), в Научное общество им. Т. Г. Шевченко во Львов, в Историческое общество во Львове (Towarzystwo Historyczne we Lwowie) и Варшавское общество любителей истории, в Виленскую публичную библиотеку. В свою очередь, Варшавский университет прислал в БГУ несколько «студенческих диссертаций», а Познанский университет — свой отчет за 5 лет работы. Через Всесоюзное общество культурных связей с заграницей были получены издания Института Восточной Европы в Бреслау, а Вашингтонский институт Карнеги сообщал, что выслал в Минск 146 книг, главным образом по биологии и медицине. Сам же БГУ на это время выписывал из-за границы около 200 журналов и, в свою очередь, разослал вузам США и иным зарубежным научным учреждениям более 100 экземпляров своих изданий²⁸.

Вот только само присутствие иностранных ученых в аудиториях БГУ было скорее исключением, чем правилом. Примеры такого рода единичны. Например, в медсекции НО БГУ 14 июня 1928 г. был прочитан научный доклад приват-доцентом из Германии Вальтером Арндтом на тему изучения зоба («Вывучэньне вальлёвай хваробы і яго заданьні», «Изучение клапанных пороков и их задач») [Хроніка мэдыцынскага факультэту БДзУ, 1930: 258]. Этот немецкий зоолог и врач в годы Первой мировой войны познал заключения в сибирском плену, после 1917 г. приезжал в Советскую Россию с благотворительными и научными целями, а в 1928 г. представлял в Минске Международное общество по изучению зоба. Он прибыл в советскую Беларусь, заинтересовавшись публикациями в журнале «Беларуская мэдычная думка» («Белорусская медицинская мысль») о заболеваемости эпидемическим зобом. В 1944 г. он был казнен фашистами.

Как ни странно, но в условиях преддверия свертывания зарубежных контактов БГУ в Минск устремились несколько выдающихся европейских ученых. Их приезд произвел очевидный политический и общественный фурор. Так, в начале 1928 г. из Чехословакии, оставив в Праге кафедру, приехал Николай

²⁸ Звезда. 1927. 13 янв.

Николаевич Дурново — разносторонний филолог, ставший вскоре одним из первых академиков Белорусской академии наук (БАН). На это его решение повлияли различные факторы, а также настойчивые уговоры коллег и в особенности В. И. Пичеты. Нельзя не отметить и обстоятельства личного характера, когда после голодного Саратова и неприветливой Москвы ученый оказался в Чехословакии в качестве «невозвращенца», без семьи и постоянной работы [Ершова, 2017: 146]. Весной же 1929 г. республиканские газеты информировали читателя, что в Минск приехал на постоянную работу в БГУ и БАН австрийский ученый, доктор философии, профессор Целестин Леонович Бурстин. В скором времени он приказом ректора БГУ был назначен заведующим физико-техническим отделением педфака (с 15 февраля 1930 г.). Этот выдающийся математик до 1936 г. читал разные математические дисциплины, среди которых своей уникальностью выделялся курс теоретической математики²⁹.

Обстоятельства вынудили сменить Берлин на Минск одного из ближайших учеников и коллег великого Альберта Эйнштейна — профессора Якова Пинхусовича Громмера. Он родился в белорусском Бресте, однако как ученый состоялся в Европе. Кстати, этот великий математик для БГУ стал своеобразным проводником в общении белорусских ученых с мировым гением. Не удивительно, что в мае 1929 г. физико-математическая секция Научного общества университета послала в Берлин приветственную телеграмму Альберту Эйнштейну по случаю его 50-летия, тем самым как бы продемонстрировав свою близость с ним, общение «накоротке»³⁰. Математик с мировым именем проработал в БГУ очень короткий срок: Я. П. Громмер умер 11 апреля 1933 г. Причиной его смерти газета «Рабочий» уже на следующий день назвала «менингит».

Естественная кончина математика, возможно, избавила его от тяжелой участи коллег, опрометчиво решившихся на переезд из Западной Европы в советский Минск. Н. Н. Дурново, Ц. Л. Бурстин, как и многие другие ученые и преподаватели хоть сколько-нибудь контактировавшие в 1920-е гг. с зарубежными

²⁹ НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 375. Л. 82.

³⁰ Рабочий. 1929. 28 марта.

учебными и научными институциями, оказались под «карающим молотом» репрессий второй половины 1930-х гг.

С самого начала работы БГУ его библиотека пополнялась различными путями. Когда в 1922 г. вслед за первым вышел второй, сдвоенный, номер научного сборника «Труды БГУ», редколлегия с гордостью информировала читателя, что «первый номер “Трудов Б.Г.Ун.” был сочувственно встречен старшими собраниями нашего молодого университета», многие учебные заведения России и зарубежья (например, Оксфордский и другие университеты) предложили обмениваться с БГУ научными изданиями. Среди различной литературы в библиотеке особое место занимали книги на иностранных языках. Пополнению этого фонда Правление придавало особое значение, считая, что без нее «серьезная научная работа совершенно немыслима». Поэтому в тяжелейший 1922/23 учебный год университет ассигновал на приобретение книг за рубежом (главным образом в Германии) 500 долларов, а 1664 тома «беллетристики на иностранных языках» были получены от НКП БССР [Каценбоген, 1923: 43, 45].

Вначале у РСФСР испрашивались разрешения о праве отсылки за границу научных изданий, которыми располагал университет. Например, такое разрешение Главнаука при Академцентре НКП РСФСР направила в Правление БГУ 10 мая 1924 г.³¹ Подобные разрешения выдавал и СНК БССР, о чем информировались зарубежные партнеры БГУ. Со ссылкой на постановление СНК от 16 января 1923 г. в июне 1924 г. библиотека недавно созданного (в 1919 г.) университета имени Коменского в Братиславе (словацк. — *Univerzita Komenského v Bratislave*) обратилась к руководству белорусского медфака с предложением выслать свои журналы на чешском языке, имеющих резюме на английском и французском языках, — в первую очередь «Братиславский медицинский вестник» (*Bratislavský zdravotní bulletin*). Вместе с тем была выказана просьба назвать для обмена свои издания³². Можно предположить, что чешских гуманитариев в скором времени заинтересовала вышедшая в Минске книга университетского искусствоведа Н. Н. Щекотихина

³¹ НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 126. Л. 70.

³² Там же. Л. 115.

«Гравюры і кніжныя аздобы ў выданнях Францішка Скарыны» («Гравюры и книжные украшения в изданиях Франциска Скорины»). Автор с первых страниц акцентировал внимание читателя на том, что совершенство изданий белорусского первопечатника во многом объясняется его европейской выучкой, но с очевидным привнесением «пэрсональнага густу Скарыны» [Шчакаціхін, 1926: 8].

Неким олицетворением международной устремленности «раннего БГУ» можно считать создание в его структуре (одними из первых) кабинетов всеобщей истории и «новых языков», которые в те годы играли роль соответствующих кафедр, прежде всего в научном плане. А все вопросы преподавания «новых языков» (так в традициях императорских российских университетов назывались основные европейские языки в противоположность «древним» — латыни и греческому) рассматривались на заседаниях особой предметной комиссии, которая стала действовать в числе первых пяти подобных. В этих комиссиях, по сути, решались не только методические и организационные вопросы, но через них в обязательном порядке проходили все кадровые³³. Кабинеты и лабораторные библиотечки пополнялись «профильной» литературой в большинстве своем за счет связей преподавателей с европейскими университетами и библиотеками, когда из командировок они привозили немалое количество книг, заключали договоренности о присылке в Минск по почте книжных новинок. В том же кабинете всеобщей истории на 1924 г. числились 464 книги, а двумя годами ранее в библиотеке лаборатории физики среди прочих книг имелось «18 томов немецких книг». Поэтому вполне естественным с первых дней работы БГУ было то, что практические занятия студенты выполняли на основе подобного рода литературы. Например, «Краткого практического курса растительной гистологии для начинающих» профессора-ботаника Боннского университета Эдуарда Адольфа Страсбургера. Это «руководство для самостоятельного изучения микроскопической ботаники» было издано в Москве в далеком 1886 г. Его и сегодня можно купить на интернет-аукционах не только как букинистическую редкость, но и авторитетное научное пособие.

³³ Там же. Д. 10. Л. 54.

Как бы наука, в том числе ее зарубежный вектор, не олицетворяла сущностные характеристики БГУ, но все же учебный процесс, подготовка всевозможных специалистов для народного хозяйства изначально являлся главным его предназначением. Разумеется, некоторые лекционные дисциплины, внесенные в учебные планы факультетов, имели прямую сопряженность с зарубежьем. Это курсы зарубежной истории и географии зарубежных стран. Наиболее всего и зарубежная, и общекультурная составляющие в подготовке белорусских студентов были воплощены через преподавание иностранных языков. Языковая подготовка выглядела неотъемлемой частью общей характеристики тогдашнего уровня преподавательских кадров: все профессора, доценты, ассистенты и прочие сотрудники владели несколькими иностранными языками. В силу того, что на сегодняшний день нет сколь-нибудь пространных исследований по проблеме преподавания в университете иностранных языков и мало кому известны имена первых «лекторов»-преподавателей, назовем основные вехи и найденные в архивных делах имена. Уже 18 марта 1922 г. Правление БГУ утвердило оклады 9 «лекторов новых языков», как в то время называли современные европейские иностранные языки [Каценбоген, 1922: 330]. Среди прочих неким образцовым по своей биографии и квалификации можно считать Георга Эмильевича Пецольда. Этот уроженец Дрездена, немец по национальности, получил свое образование на родине, но уже с начала XX в. работал учителем немецкого языка в России. В военные годы и годы революций его занесло сначала в Поволжье, потом вернуло на запад России — преподавал в Минске в железнодорожной школе. С сентября 1922 г. он стал преподавателем БГУ, имея к этому времени пару публикаций, которые затем преумножил и даже стал соавтором статьи совместно с наркомом просвещения республики А. В. Балицким — «Арганізацыя народнае асьветы ў Нямецчыне» («Организация народного образования в Германии»). В августе 1926 г. был командирован в Берлин на «Педагогическую неделю для иностранцев», где выступил с докладом, напечатанном в местном журнале «Sozialistischer Erzieher» («Социалистический педагог»). Весной 1931 г. он назван в постановлении секретариата ЦК КП(б)Б как руководитель семинара по немецкому языку сектора подготовки

кадров Института истории партии³⁴. А до этого в БГУ вел курсы немецкого языка с ординаторами медфака, которые сами оплачивали ему за проведенные занятия, используя также финансовую поддержку со стороны «Секции научных работников» и Правления университета.

В первый год работы БГУ иностранные языки также преподавали: французский — Луиза Евгеньевна Буржуа, Берта Исааковна Портнова, Клара Осиповна Полоновская; немецкий — Христофор Христофорович Прейсберг, Эсфирь Мироновна Сегаль, Масальская (она преподавала только один год); английский — Лидия Яковлевна Сыркина. Изучались студентами на соответствующих отделениях польский и идиш, которые тогда были государственными и не считались иностранными. Хотя в скором времени польский язык в силу изменившихся политических обстоятельств таковым станет. Эти «новые языки» составили лингвистическую предметную комиссию на факультете общественных наук. Примечательно, что все «лектуры по древним и новым языкам» в своей известной «Университетской летописи» Ф. Ф. Турук указал как «заполненные местными преподавательскими силами» уже к началу работы БГУ [Турук, 1922: 204].

Для укрепления возможностей постижения иностранных языков студентами 9 апреля 1931 г. был создан кабинет иностранных языков. Одной из особенностей включенности БГУ в контекст зарубежных контактов была его политически-идеологическая заангажированность, когда советскому вузу требовалось уже с первых дней деятельности отображать реакцию научного сообщества на те или иные события, происходившие в условиях практически всеобщей агрессивной политики «буржуазного мира» по отношению к СССР. А тем более отстаивать право на свою деятельность как советского университета. Та же зарубежная пресса на протяжении 1921 — начала 1922 г. «с большим вниманием», но весьма нелицеприятно и даже недоброжелательно подавала информацию о сложном становлении БГУ. Об этом руководство университета в специальной докладной записке информировало СНК БССР. Доказывалось, что несмотря на все сложности БГУ должен и далее развиваться во имя «культурно-экономического и национального возрождения

³⁴ Там же. Ф. 4. Оп. 8. Д. 25. Ч. 2. Л. 211.

Белоруссии», а всякое умаление начатого дела будет иметь «гибельное последствие»³⁵.

Собственно, до 1930 г. реакции на события, происходившие на международной арене, БГУ выражал посредством разных «воззваний» и «деклараций», которые от имени коллектива университета публиковали республиканские газеты. К удивлению, уже в 1930-е гг. многотиражка БГУ «За ленинские кадры» лишь изредка обращалась к международной проблематике даже с очевидным воспитательным подтекстом. Исключением можно считать номер за 19 марта 1936 г., в котором заметки были и о Парижской Коммуне, и о деятельности МОПР в Германии. Изредка печаталась подборка материалов из союзных изданий «За рубежом». Среди погромных публикаций в республиканской прессе 1937 г. звучали голословные утверждения, что на лекциях «враги народа» ориентировали студентов на «западную цивилизацию», что руководство БГУ и НКП (ректор А. С. Кучинский и нарком А. И. Дьяков) «транжировали валюту», закупая за границей оборудование и реактивы, которые производились в СССР. В традициях тех лет все материалы прессы, публичные выступления были пронизаны уничижительными и во все бранными личностными оскорблениями. Того же бывшего ректора БГУ и бывшего наркома просвещения Анания Ивановича Дьякова партийный лидер Р. Л. Ростовская поносила как «подлого польского шпиона и бандита», «матёрого врага», «фашистского наймита» и т. д. Вот только она сама не смогла удержаться на своем посту из-за схожих обвинений других рьяных поборников чистоты интеллектуальных рядов.

Совершенно новая ситуация в контексте разговора о международных контактах БГУ возникла после 17 сентября 1939 г. и с нарастающей специфичностью продолжалась буквально до начала Великой Отечественной войны. Страны-соседи БССР на ее западных рубежах вдруг одна за другой становились советскими, входили в состав СССР. Было необходимо чутко улавливать установки партийно-советских органов на налаживание профессиональных и общественно-культурных контактов с учебными и научными заведениями Литвы, Латвии, Эстонии, определять свое место в работе на воссоединенных территориях западной Беларуси. В принципе,

³⁵ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 124. Л. 190; Ф. 205. Оп. 1. Д. 25. Л. 6.

до июня 1941 г. подобную работу вполне можно определить, как международную. Руководству БГУ, его профессорам и преподавателям требовалось время, чтобы сориентироваться, занять «нужную» позицию в контактах с теперь уже советскими коллегами. Например, в начале 1941 г. БГУ отправил в Вильнюсский университет посылку с книгами на белорусском языке и о Беларуси для открывшейся там кафедры белорусского языка и литературы. Ректор университета, выдающийся историк литовской литературы Миколас Биржишка в специальном письме сообщил о получении книг и выразил благодарность своим белорусским коллегам³⁶.

Заключение

Приведенные факты в контексте темы позволяют утверждать, что первый университет Беларуси за два начальных десятилетия своей деятельности прошел несколько этапов восприятия международной среды и участия в различных формах сотрудничества с зарубежными коллегами. Выделим три, по нашему мнению, основных.

На первом этапе (1921—1929 гг.) БГУ смог состояться как университет классического типа именно во многом благодаря теснейшим контактам с университетами и иными научными центрами, прежде всего Европы. Они позволили создать вполне современные направления исследований во всех областях естественных и гуманитарных наук, медицины, математики, готовить студентов с учетом лучших зарубежных традиций и новаций. Второй этап (конец 1920 — начало 1930-х гг.) был временем, когда большинству профессоров и преподавателей приходилось осознавать и принимать новые реалии в сфере своей профессиональной деятельности. В том числе смириться с тем, что прежние интеллектуальные пристрастия должны быть отброшены, что далее вести исследования и готовить кадры специалистов придется исключительно за счет использования «внутренних резервов». На последнем же, третьем, этапе (середина 1930-х гг. — 1941 г.) жизнь университета и всей высшей школы БССР предельно наполнилась риторикой и практикой военизации как учебного процесса, так и научных исследований. В особенности это стало

³⁶ Звязда. 1937. 3 ліпеня.

свойственным общественной составляющей в деятельности БГУ, когда весь коллектив университета обязан был стать пропагандистом «своей» жизни и ниспровергателем жизненных принципов (конечно, для советской аудитории) в странах зарубежья. На этом этапе всяческие контакты с иностранными коллегами, проявления позитивного отношения к ним расценивались в примитивной вербальности («враги народа», «преклонение перед Западом», «шпионаж в пользу иностранных разведок» и т. п.). Шла тотальная зачистка не только интеллектуального инакомыслия, но и коренного проявления интеллектуальности — аналитики, сопоставления фактов, научности выводов.

Таким образом, становление и трансформация международного сотрудничества первого университета Беларуси проходили в абсолютном сопряжении с постоянно изменявшейся внутренней и внешней общественно-политической обстановкой и в условиях доминирования властных установок. Лишь первые годы деятельности БГУ можно считать неким исключением, но позволившим университету состояться.

Список источников

- Ершова О. И.* Николай Николаевич Дурново. Основоположник изучения славистики в Беларуси // Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919—1941) / науч. ред. О. А. Яновский. Минск: БГУ, 2017. С. 143—150.
- Иванов А. Е., Кулакова И. П.* Русская профессура на рубеже XIX—XX веков // Российская история. 2013. № 2. С. 44—61.
- Каценбоген С. З.* Белорусский государственный университет в 1921—1922 академ. году // Труды БГУ. 1922. № 2—3. С. 326—364.
- Каценбоген С. З.* Белорусский государственный университет в 1922—1923 учеб. году (Итоги и перспективы). Минск: 1-я гостип. «Белтрестпечати», 1923. 52 с.
- Назаренко А. М.* Создатель Института физики БГУ Ефим Еремеевич Сиротин // Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919—1961) / науч. ред. О. А. Яновский. Минск: БГУ, 2019. С. 99—116.
- Научные школы БГУ в воспоминаниях и размышлениях профессоров / под ред. С. В. Абламейко, А. И. Зеленкова. Минск: БГУ, 2023. 271 с.
- Турук Ф.* Университетская летопись // Труды БГУ. 1922. № 1. С. 175—207.

Хроніка мэдыцынскага факультэту БДЗУ // Труды БГУ. 1930. № 24. С. 258—259.

Шевчук И. И. Обеспечение деятельности научной интеллигенции Беларуси в первой половине 1920-х годов: создание комиссии по улучшению быта ученых // Интеллигенция и мир. 2017. № 1. С. 68—84.

Шчакаціхін Мікола. Гравюра і кніжныя аздобы ў выданьнях Францішка Скарыны // Чатырохсотлецьце беларускага друку 1525—1925. Менск: Інстытут Беларускай культуры, 1926. С. 180—227.

Яновский О. А., Меньковский В. И. Научная школа россиеведения и украиноведения в Белорусском государственном университете // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2022. № 1. С. 51—63.

Яноўскі А. А. Замежныя камандзіроўкі гісторыкаў БДУ: творчыя здабыткі і зломы лёсаў // XXI век: актуальныя праблемы гістарычнай навукі: матэрыялы Міжнародн. навуч. конф., посвящ. 70-летию историч. ф-та БГУ, Минск, 15—16 апр. 2004 г. Минск: БГУ, 2004. С. 5—8.

References

Ablameiko, S. V. and Zelenkova, A. I. (eds) (2023), *Nauchnye shkoly BGU v vospominaniakh i razmyshleniiakh professorov* [Scientific schools of BSU in the memories and reflections of the professor], Belorusskii gosudarstvennyi universitet, Minsk, Belarus.

‘Chronicle of the Medytsyn Faculty of the BSU’ (1930), *Trudy BGU* [Proceedings of BSU], no. 24: 258.

Ershova, O. I. (2017), ‘Nikolai Nikolaevich Durnovo. Founder of the study of Slavic studies in Belarus’, in Ianovsky, O. A. (ed.), *Intellektual’naiia elita Belarusi. Osnovopolozhniki belorusskoi nauki i vysshego obrazovaniia (1919—1941)* [The intellectual elite of Belarus. Founders of Belarusian science and higher education (1919—1941)], Belorusskii gosudarstvennyi universitet, Minsk, Belarus: 143—150.

Ivanov, A. E. and Kulakova, I. P. (2013), ‘Russian professorship at the turn of the XIX—XX centuries’, *Rossiiskaia istoriia* [Russian history], no. 2: 44—61.

Yanovsky, A. O. (2004), ‘Foreign business trips of historians of BSU: creative achievements and fractures of destinies’, *XXI vek: aktual’nye problemy istoricheskoi nauki: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 70-letiiu istoricheskogo fakul’teta BGU* [XXI century: actual problems of historical science: materials of the International Scientific Conference dedicated to the 70th anniversary of the Faculty of History of BSU], Minsk, Belarus: 15—16 April 2004, Belorusskii gosudarstvennyi universitet, Minsk: 5—8.

- Yanovsky, O. A. and Menkovsky, V. I. (2022), 'Scientific school of Russian and Ukrainian studies at the Belarusian State University', *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia* [Journal of the Belarusian State University: History], no. 1: 51—63.
- Katsenbogen, S. Z. (1922), 'Belarusian State University in the 1921—1922 academic year', *Trudy BGU* [Proceedings of BSU], no. 2—3: 326—364.
- Katsenbogen, S. Z. (1923), *Belorusskii Gosudarstvennyi Universitet v 1922—1923 uchebnom godu (Itogi i perspektivy)* [Belarusian State University in 1922—1923 academic year (Results and prospects)], 1-ia gostipograbia "Beltrestpechati", Minsk, Belarus: 1—52.
- Nazarenko, A. M. (2019), 'Founder of the Institute of Physics of BSU Efim Eremeevich Sirotin', in Ianovsky, O. A. (ed.) *Intellektual'naia elita Belarusi. Osnovopolozhniki belorusskoi nauki i vysshego obrazovaniia (1919—1961)* [The intellectual elite of Belarus. Founders of Belarusian science and higher education (1919—1961)], Belorusskii gosudarstvennyi universitet, Minsk, Belarus: 99—116.
- Shchakatsikhin Mikola (1926), 'Engravings and books from the publications of Francis Skaryny', *Chatyrokhsotlets'tse belaruskaga druku. 1525—1925* [Four hundredth anniversary of a Belarusian friend], Instytut Belaruskai kul'tury, Minsk, Belarus: 180—227.
- Shevchuk, I. I. (2017), 'Ensuring the activities of the scientific intelligentsia of Belarus in the first half of the 1920s: the creation of a commission to improve the living conditions of scientists', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 68—84.
- Turuk F. (1922), 'University Chronicle', *Trudy BGU* [Proceedings of BSU], no. 1: 175—207.

Статья поступила в редакцию 29.05.2024; одобрена после рецензирования 24.06.2024; принята к публикации 26.06.2024.

The article was submitted 29.05.2024; approved after reviewing 24.06.2024; accepted for publication 26.06.2024.

Информация об авторе / Information about the author

О. А. Яновский — кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь.

O. A. Yanovsky — Candidate of Sciences (History), Professor, Head of the Department of History of Russia, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus.